

1257724

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

КГ-9-37.

А. А. ГЕРАКЛИТОВ.

САРАТОВ.

КРАТКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

ИЗДАНИЕ 2-е

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

САРАТОВ.
1923

1957

ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

34 А. А. ГЕРАКЛИТОВ.

САРАТОВ.

КРАТКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

ИЗДАНИЕ 2-е,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

САРАТОВ
1923

Гублит № 1436.
Тираж 3000 экз.

Сарполиграфпром. 10-е отделение

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стан.
Предисловие ко 2-му изданию.	5
Введение.	7—10
I. Основание Саратова.	11—13
II. Саратов на левом берегу Волги.	14—17
III. Правобережный Саратов за первые 100 лет своего существования.	18—21
IV. Саратов, как экономический, административный и культурный центр.	21—25
V. Саратовская старина.	25—31
VI. Саратовские деятели.	31—35
Издания по Саратовскому краю	36—40

Предисловие ко 2 изданию.

Предлагаемая вниманию читателей книжечка не является ученым исследованием. Автор ее имеет ввиду дать лицам, интересующимся Саратовом, в возможно краткой форме сводку того, чем в настоящее время мы располагаем по саратовской истории. Первое издание вышло в то время, когда все внимание, все силы были обращены на ограждение целостности и независимости России от посягательств извне и изнутри. Поэтому брошюра была составлена наспех, отпечатана кое-как, на оберточной бумаге, без обложки и т. п. В настоящем издании устранены внешние дефекты, внесены необходимые поправки в текст и те дополнения, которые являются результатом новейших научных приобретений.

Невозможно достичь необходимой полноты на нескольких страницах. Поэтому, для тех, кто пожелал бы подробнее ознакомиться с прошлыми судьбами, не только Саратова, но и всего нашего края, придется обратиться или к моей „Истории Саратовского края в XVI—XVIII в.в.“ или к книжке В. И. Оппоковой „Прошлое Саратовского края“, которые печатаются и в скором времени выйдут в свет.

А. Гераклитов.

ВВЕДЕНИЕ.

Наш Саратов основан в то время, когда объединение Московского государства было уже завершено и самостоятельная жизнь отдельных областей, из которых оно сложилось, прекратилась. Естественно поэтому, что мы не можем иметь какойнибудь особой от всего государства, своей собственной истории. И внешние и внутренние события саратовской жизни шли в том же направлении, как и события общегосударственные, являясь лишь слабым их отражением. Конечно, и в жизни Саратова были некоторые события, выходящие из ряда обыкновенных и потому заслуживающие названия „исторических“. Но таких событий было не много, да к тому же, если применить к ним общегосударственную мерку, их и нельзя считать исключительными, не имевшими места в прошлом множества других городов нашей родины.

Другое дело, если бы мы могли шаг за шагом проследить, как рос и развивался Саратов, откуда произошло теперешнее несомненное торгово-промышленное его значение и культурная роль, как начались и под каким влиянием сложились взаимоотношения населяющих его жителей, чем жило в духовном и житейском смысле саратовское общество за триста лет своего существования и т. п.,—тогда мы, действительно, имели бы историю города Саратова. Быть может такая история не была бы так занимательна, как история хотя бы Москвы или другого крупного политического и культурного центра, но все же и она представила бы интерес и пользу для изучения.

К сожалению, некоторые обстоятельства мешают таким именно способом приступить к изложению истории нашего города. Для того, чтобы писать историю чегонибудь, нужно иметь в своем распоряжении материал для этого. Материалами служат вещественные или письменные памятники прошлого, т. е. старинные здания, остатки быта прежних времен, старинные докумены, записки или воспоминания

современников о разных событиях и тому подобные, т. н. „исторические“ документы. Как раз таких то документов для Саратова мы почти и не имеем. Вещественные памятники его старины почти все без остатка погибли во время частых и опустошительных пожаров. Саратов не раз выгорал до тла, так что теперь не осталось почти ничего, по чему мы могли бы судить о том, как жили наши предки, какие дома они себе строили, как одевались и т. д. О всем этом можно судить только по разным незначительным, разрозненным и потому мало характерным случайным мелочам, пощаженным временем, да еще по сравнению с жизнью других городов России. Но этого мало для того, чтобы верно нарисовать картину прошлого саратовского быта, т. к. несомненно, что он имел некоторые свои особенности, не похожие на быт других городов.

С письменными памятками дело обстоит не лучше. Во время пожаров они также гибли и теперь в Саратове почти нет документов в архивах, которые были бы старше половины XVIII века. Но этой беде еще можно бы помочь, если бы сохранились столичные архивы. Многие города находятся в одинаковом положении с Саратовом и тогда люди, изучающие их прошлое, ищут и находят нужный им материал в московских или петроградских хранилищах старинных документов. Для Саратова в самый важный, начальный период его существования закрыт и этот источник. Дело в том, что т. н. Приказ Казанского дворца, ведавший до реформ Петра I всеми делами области, входившей в состав царств Казанского и Астраханского (а, следовательно, и Саратовом), дважды сгорал во время больших московских пожаров и при этом погибло все делопроизводство Приказа. Т. о., до первой четверти XVIII в. исследователь саратовской старины должен довольствоваться случайными документами из архивов других приказов московского государства, которые прямого отношения к Саратову не имели. Для последующего времени в распоряжении историка имеется безбрежное море всяких официальных документов и в саратовских и в столичных архивах. Но тут на сцену выступает другое обстоятельство, а именно неразработанность этих архивов. Только в самое последнее время начались слабые попытки освещения той или иной стороны местной истории XVIII и XIX в. на основании архивных данных. Но если сравнить то, что сделано в этом отношении с тем, что предстоит еще и возможно в будущем сделать, то мы увидим, что результат сводится почти к нулю.

Есть еще один источник познания прошлого: воспоминания старожилов, записки современников, письма и т. п. Но и в этом отношении Саратову не посчастливилось, потому что едва ли можно насчитать десяток другой таких документов, да и то относящихся уже к более позднему времени.

Т. о. состояние имеющихся в распоряжении историка документов таково, что нечего и думать о том, чтобы сейчас написать полную историю нашего города. Приходится довольствоваться тем, что есть под руками и ограничиться изложением только внешних событий прошлого Саратова, да и тут по необходимости мириться с пропусками и неясностями, т. е. вместо истории с плотью и кровью дать только скелет ее.

Нужно надеяться, что в будущем, когда местные архивы будут приведены в порядок, а интерес к прошлому родного края глубже проникнет в среду саратовцев, наши потомки получат наконец возможность узнать про саратовскую старину больше, чем мы можем дать теперь при всем желании. Если бы кто из читателей этой брошюрки пожелал по возможности подробно ознакомиться с саратовской стариной, хотя бы с некоторыми сторонами ее, тот и теперь может удовлетворить своей любознательности, т. к. про Саратов написано уже несколько книг, брошюр и не мало отдельных статей.

Первым нашим историком следует признать А. Ф. Леопольдова, который работал по саратовской истории с 30-х до 70-х г.г. прошлого века. Его перу принадлежит *История Саратовской губернии*, имевшая для последующих саратовских бытописателей значение первоисточника, т. к. Леопольдов мог пользоваться такими документами и рассказами старожилов, которых другие в своих руках уже не имели. Кроме множества отдельных статей, которые теперь трудно достать, Леопольдов напечатал *Исторический очерк Саратова и прилежающих мест*, выдержавший несколько изданий.

Затем можно указать на вышедшую в 1881 г. книжечку С. Гусева и А. Хованского *Саратовская Губерния и прилежающие места по Саратову*. Здесь (гл. обр. по Леопольдову) подробно рассказано о прошлом города и современном его состоянии. Те, кто пожелают узнать, каков был наш город сорок лет тому назад, с пользой прочтут эту неслышную но живо написанную брошюрку.

В 1891 г. саратовцы праздновали 300 летний юбилей существования своего города. К этому дню было выпущено

несколько популярных брошюр для раздачи по школам и народу, напр., Н. Ф. Хованского „*О прошлом города Саратова*“; Гр. Жуковского—„*Краткая история города Саратова и Саратовской губернии*“ и др. Издания эти мало интересны по содержанию, но на обложке брошюры Жуковского любопытен вид Саратова с Волги, относящийся ко 2-й половине XIX в.

В это же время вышла большая книга А. И. Шахматова „*Исторические очерки Саратова и его округ*“. В этой книге автор использовал и свои семейные документы, поскольку они имели отношение к его труду.

О всех приведенных книгах и брошюрах можно сделать одно общее замечание, что составители их, не имея в своем распоряжении достаточно документов для составления полной истории города, пополняли недостаток их своими догадками, часто очень неудачными. Эти догадки легли в основу многих предрассудков, которыми грешат саратовцы по отношению к своему прошлому.

Нельзя не рекомендовать, оборвавшийся к сожалению на первом выпуске, сборник: „*Саратовский край*“, вышедший в 1893 г. Там, между прочим, помещена составленная Духовниковым и Хованским сводная саратовская летопись и масса ценного материала по топографии города и культурно-бытовой его истории.

Наши церкви и монастыри были также предметом исследования и по истории их есть отдельные издания. Так, еп. Дамиан в 1918 г. выпустил брошюру „*История Спасо-Прображенского мужского монастыря*“. В. Юрьеву принадлежит история женского монастыря, напечатанная в 1902 г. Наиболее обширным является труд В. П. Соколова „*Саратовский Троицкий (старый) собор*“, изданный в 1904 г. В перечисленных изданиях найдется кое что и по истории Саратова вообще, но ко всем им в сильной степени должно быть отнесено приведенное выше замечание.

С 1888 г. местное ученое историко-археологическое общество, т. н. „архивная комиссия“, стало печатать свои „Труды“, в которых помещаются как сырые материалы, так и исследования членов общества по истории нашего края. Более обширные исследования выпускаются отдельными книгами. Хотя до сих пор и нет еще исследования, охватывающего прошлое Саратова во всей его совокупности, но отдельные стороны этого прошлого достаточно освещены в „Трудах“ и их обязан прочитать всякий, кто намерен действительно знать все, что можно узнать про саратовскую старину.

I. Основание Саратова.

Причины основания Саратова. Время и место постройки города. Откуда произошло название Саратова.

До последнего времени большинство лиц, интересующихся саратовской стариной, держатся того убеждения, что наш город основан для защиты юго-восточной границы Московского государства от нападений кочевых народов, живших в заволжских степях. Это убеждение является, однако, одним только предположением и не может быть подтверждено положительно историческими документами. А т. к. оно, в тоже время, не соответствует и действительному положению вещей на низовой Волге во время основания Саратова, то мы вправе отвергнуть его как ошибочное.

В то время границы населенной русскими области лежали далеко на север от Саратова, приблизительно на широте Моршанска, и были достаточно защищены сторожевыми валами и укреплениями. Кругом же Саратова на многие сотни верст раскидывалось незаселенное, дикое поле, где некого было защищать. Когда русское население подвинулось к югу, то вместе с тем передвинулась и сторожевая линия, которая еще долго спустя после постройки Саратова проходила на сто верст севернее его. Только к половине XVIII в. около Саратова появляется оседлое земледельческое население, но его уже не от кого было защищать, так как всякие набеги кочевников к тому времени давно прекратились.

На самом деле причина, или вернее причины (т. к. их было несколько) постройки Саратова были иными.

Еще задолго до взятия Иваном Грозным Казани и Астрахани Волга стала играть большую роль в хозяйстве и торговле Московского государства. Сотни и тысячи рыбаков каждое лето раскидывали свои станы по среднему течению Волги, а многочисленные русские купцы, под постоянной угрозой быть ограбленными татарами, посещали ярмарки Казани и Астрахани. С покорением этих городов рыболовство и торговля получили, конечно, еще большее развитие. Рыбные богатства Волги в то время были так ве-

лики, что мы с трудом теперь можем верить показаниям иностранцев на этот счет. Но, кроме рыбы, по Волге шло в центр государства и другое богатство—соль, которая добывалась из озер близ Астрахани. Овладев всем течением Волги, Московское государство получило в свое распоряжение прямой путь в Каспийское море, и следовательно, возможность прямых торговых сношений с Персией. Торговля же с Персией была очень важна, т. к. оттуда получались многие ценные товары (напр. шелк), добыть которые другим путем было очень трудно. Неудивительно поэтому, что правительство пожелало воспользоваться само прибылями такой выгодной торговли и сделало ее правительственной монополией. Скоро по Волге зачернели не только легкие ловецкие лодки, но и караваны тяжелых казенных судов с царскими товарами. Значение персидской торговли еще более возросло от того, что почти одновременно с взятием Астрахани англичане случайно открыли морской путь к устьям р. Северной Двины, где скоро и основался единственный тогда русский морской порт и завязалась правильная морская торговля с Европой. Ознакомившись с русскими условиями, предприимчивые иностранцы не могли не оценить тех выгод, которые они могли получить от сношения с Персией и прилегающими к ней странами через Россию. Особенно прельщала их возможность добывать этим путем шелк. Отсюда домогательства иностранцев получить право торговать с Персией через Россию.

Пока обстоятельства таким образом складывались на Волге—на соседнем с нею Доне тоже произошли события, отразившиеся в конце-концов и на нашем Саратове. Донское казачество, по крайней мере в той его части, которая не могла устроиться хозяйственно, прочно стать на ноги, занималось, между прочим и тем, что на их языке называлось „добывать зипуна“. Собравшись более или менее значительным отрядом, казаки через Азовское море на мелких судах выходили в Черное море и здесь грабили торговые суда и прибрежные турецкие города. Естественно, что турецкое правительство не могло равнодушно относиться к таким набегам и всячески старалось помешать им. С этой целью был укреплен турками город Азов, находящийся в устьях Дона, и азовский гарнизон зорко следил, чтобы ни одно казачье судно не прокралось мимо города в море. Казакам пришлось искать другой дороги в поисках за зипунами и они кинулись на Волгу, где и начали грабить торговые караваны.

Кроме того, с половины XVI в. на самой Волге появляется и быстро усиливается свое собственное казачество. О численности его можно судить хотя-бы потому, какое войско удалось собрать самому знаменитому из волжских казачьих атаманов Ермаку при его походе на Сибирь. И волжское казачество в большинстве случаев главное средство к существованию добывало из того же источника, что и донское, т. е. от грабежа торговцев и промышленников на Волге или же от грабежа кочевавших в наших степях ногайцев.

Перед Московским правительством встала задача обезопасить волжскую торговлю от „воровства“ казаков. С этой целью по Волге устраивается ряд укреплений, гарнизон которых должен был наблюдать за безопасностью Волги и препятствовать казачьим шайкам хозяйничать на ней. Почти в одно время были построены Самара, Царицын и *Саратов*. Вот истинная причина возникновения этих городов.

Время постройки Саратова точно устанавливается историческими свидетельствами, а на одном старинном Евангелии сохранилась запись, где даже указан и день закладки города:—это 2 июля 1590 г.

Не так определенно решается вопрос о том, где первоначально был построен Саратов. Несомненно лишь то, что не на месте нынешнего города. Некоторые исследователи полагают, что первоначально Саратов был основан на левом берегу Волги, где и теперь еще видны следы старого города. Но старинные географические карты и косвенные указания некоторых документов дают основание предполагать, что в 1590 г. Саратов был построен на правом берегу, приблизительно там, где теперь стоит село Пристанное. Если не сохранилось следов этого первоначального города, то такое обстоятельство легко объясняется тем, что он существовал очень недолго и место его занято другим поселением.

Что касается названия нашего города, то большинство исследователей производят его от двух татарских слов:— „сара“ —желтый и „тау“ --гора. Желтой горой будто бы называлась Соколовая гора с ее глинистыми обрывами и оползнями. Быть может это и так, но решить этот вопрос могут только специалисты-языковеды. Любопытно то, что в старину (в XVII в.) чаще писали и говорили Соратов, а не Саратов, как пишут и говорят теперь. Не безинтересно также и то

обстоятельство, что название, повсем вероятно, существовало раньше основания города, на который и было перенесено затем. Тоже самое, впрочем, нужно сказать и про другие города, упомянутые выше, т. е. Самару и Царицын.

II. Саратов на левом берегу Волги.

Город первого поселения. Перенесение города на левый берег. Военное значение его. Свидетельства современников и документов о левобережном Саратове. Разгром его Разиным.

Первый правобережный Саратов просуществовал очень недолго, всего около двадцати лет. Наступившее смутное время положило конец его существованию. За этот период мы имеем очень мало сведений о нашем городе. Немногие сохранившиеся документы рисуют нам его как чисто военное поселение с слабо развитой торговлей и полным отсутствием земледелия. В 1608 г. Саратов стойко держался против появившихся на Волге самозванцев, но уже зимою 1608—1609 г.г. саратовские жители изменили царю Василию и снарядили посольство в стан второго Самозванца, которому и присягнули на верность в феврале 1609 г. Через несколько лет после этого Саратов был сожжен или сторел по неосторожности, а гарнизон его зимою 1613—14 г.г. ушел в Самару, как сказано в старинном документе, „душою и телом“, т. е. без всякого имущества, в виде беглецов.

Трудно с точностью указать, когда был возобновлен Саратов. Несомненно только то, что с 1617 г. он уже существовал, т. к. в этом году в нем упоминается воевода кн. Черново-Оболенский. По каким-то, неизвестным для нас, соображениям на этот раз саратовское укрепление было возобновлено не на прежнем месте, а уже на левом берегу Волги на стрелке, которая образуется впадением речки Саратовки и в волжский проток. Следы этого города и теперь еще хорошо заметны верстах в двух выше Покровска.

На новом месте Саратов служил все той-же цели, для которой он был основан и в 1590 г., т. е. очищению Волги от шаек воровских казаков, нарушавших безопасность волжской торговли. Для этого в городе содержался довольно многочисленный гарнизон, как из регулярного войска—стрельцов пеших и конных, так и не регулярного, т. н. детей боярских, которые присылались сюда из верховых городов на годовую службу. О значительности гарнизона мы можем судить по дошедшим до нас документам. Так, в 1630

году при воеводе Орлове и стрелецком голове Кошелеве в Саратове было на службе: детей боярских 18 человек, сотников стрелецких 3 ч., стрельцов конных 100 ч. и пеших 200 ч., пушкарей 4 ч., воротников 2 ч. и кроме того, на время было прислано для усиления гарнизона из верхних городов 100 стрельцов. Так как в это же время шла постройка укреплений, то в помощь наличным военным силам командировано из городов, лежащих выше Казани, детей боярских 57 ч., новокрещенов и бусурманов 114 чел., стрельцов 235 ч. и плотников 50 ч. Всего, т. обр., в этом году в саратовской гарнизоне состояло 883 ч., сила очень внушительная по тому времени. В начале 1660-х г.г. постоянное военное население Саратова состояло из 526 ч., т. е. было приблизительно одинаково с указанным выше. Нет надобности приводить здесь цифры за другие годы, т. к. они все более или менее схожи. Во всяком случае саратовские воеводы располагали достаточными силами, чтобы бороться с разбоями на Волге. И действительно, документы говорят нам, что каждое лето из Саратова снаряжались экспедиции на Волгу для поимки разбойников.

В старинных документах тех учреждений, которые ведали наградами ратным людям за их подвиги, очень часто попадаются записи и о пожалованиях саратовскому гарнизону. Для образца, как характерную, приведем здесь одну из таких записей: (1629 года) „августа в 16 день по государеву указу, по памяти за приписью дьяка Ивана Грязева, Микифору Михайлову сыну Кошелеву: 10 аршин камки, куфтеру червленого, по рублю по 6 алтын по 4 деньги аршин; я пожаловал государь его за казачью за волжскую службу нынешняго 137 (т. е. 1629) года, что будучи он на Саратове у стрельцов в головах посылан был с Саратова на Волгу на воровских казаков и в той посылке, сшед на Волге воровских казаков, побил на голову и языков взяв на Саратов привел“.

Рядовым стрельцам пожалования были не так значительны и иногда ограничивались лишь небольшим лоскутком сукна на шапку.

Но и кроме постоянной борьбы с воровскими казаками саратовскому гарнизону приходилось очень часто иметь дело с остатками некогда могущественной нагайской орды, потерявшей прежнее могущество, но беспокоившей своими грабежами русские украинны. Саратовские служилые люди должны были наблюдать за тем, чтобы нагайцы не перешли из-за Волги на нагорную сторону, не перелазили с

„нагайской“ на „крымскую“ сторону. Кроме того, с 30-х годов XVII в. в заволжских степях появляется новый народ, пришедший из глубины Азии,—калмыки. С ними также Саратовским служилым людям приходилось иметь дело, так как и эти пришельцы были далеко не прочь при случае пограбить. Таким образом, левобережный Саратов имел за все время своего существования значение сторожевого пункта на Волге, обеспечивающего правильность и безопасность торговых сношений. Наиболее выдающимся моментом в его жизни был приход Разина в 1670 г., когда знаменитый атаман на пути своем в центр государства занял и Саратов. Здесь считаем уместным привести свидетельство очевидца этого события, сохраненное для нас в письме пензенского воеводы к тамбовскому. Вот что читаем мы в этом письме: „Августа, в 22 день в четвертом часу дня, прибежал в Симбирск с Саратова казанских стрельцов голова Тимофей Давыдов и сказал: на успеньев де день (т. е. 15 августа) поутру рано вор и изменник Стенька Разин с казаками пришел на Саратов и город Саратов саратовские жители сдали и его вора Богородицкого монастыря игумена и Саратовские все жители встречали с хлебом. А на Саратове саратовские жители к воеводе приставили караул двадцать человек накануне его воровского прихода, чтоб он не ушел. А как он вор Стенька к Саратову идет за семь верст и саратовцы воеводе говорили, что мы тебя у Стеньки отпечалуем“. Из этого мы видим, что город сдался Разину добровольно и рассказы о том, что Разин вошел в Саратов обманом, под предлогом богомолья, ни на чем не основаны. Взяв город, Разин утопил в Волге воеводу Кузьму Лутохина и других начальников, ввел у жителей казачье управление и, взяв с собой часть их, продолжал путь дальше вверх по Волге: оставшиеся же в Саратове жители двинулись к Пензе, которую с успехом и взяли.

Как известно, вскоре Разин потерпел неудачу под Симбирском и мятеж, поднятый им, был подавлен жестокими мерами. В документах Посольского Приказа сохранились намеки на то, что при этом пострадали и некоторые саратовские служилые люди, поплатившиеся ссылкой на далекий и холодный север.

Разинский разгром был последним эпизодом в жизни левобережного Саратова. Вскоре затем, по всей вероятности в 1674 г., город был перенесен на правый берег Волги, на то место, где он находится и теперь. Не сохранилось никаких документов, объясняющих нам причины перемены ме-

ста при возобновлении города; догадки же о том, что левобережный Саратов страдал от разлива Волги, нельзя признать основательными. Стоит же благополучно почти на том же самом месте г. Покровск, да и развалины старого Саратова, не смотря на разливы, уцелели поныне. Гораздо вероятнее, что на выбор места в данном случае повлияло наличие здесь крупного поселка, о котором будет сказано ниже.

Сохранилось несколько известий, которые дают возможность до некоторой степени судить как о внешности, так и о размерах левобережного Саратова. Немецкий путешественник Олеарий, проезжавший по Волге в 30-х годах XVII в., оставил даже рисунок его. Хотя должно заметить, что Олеарий города не видел и рисунок его является лишь простым украшением книги. Но мы имеем и еще одно описание—московского купца Котова, проехавшего по Волге за несколько лет до Олеария. Самый город, т. е. укрепленная его часть, занимала небольшое (десятины в две) пространство, окруженное деревянными стенами из бревен, поставленных стоймя. По стенами были круглые, деревянные же башни и несколько ворот, из которых одни носили название „кабацких“, так как около них стоял казенный питейный дом. Внутри города находился воеводский двор, с'езжая изба, несколько дворов служилых людей, собор во имя св. Троицы, приходская церковь св. Николая и Богородицкий мужской монастырь. Часть населения, не помещавшаяся внутри тесного города, была расположена за городом, в прилегающих слободах. Здесь находились торговые ряды и запасные магазины для склада казенных припасов, а в слободке, называвшейся Воздвиженской, несомненно, был и женский Воздвиженский монастырь. В той же слободке стояла и богадельня для престарелых и убогих. Так как город с двух сторон был окружен водою, то для переправы через Волгу и Саратовку существовали перевозки, сдававшиеся на откуп за большие, по тому времени, суммы. При этом правительство извлекало доход не только с перевозов. На откуп отдавались бани и портомойные плоты на Волге, проруби, право варки кваса и сула; особенно же большой доход давали кабаки и рыбные ловли. Документы показывают, что все эти статьи дохода возрастали из года в год, что свидетельствует о росте самого города и его экономического значения. И действительно, ко времени Разина Саратов уже не был только военным укреплением: в нем появляется и не военное „посадское“ население, занятое гл. образом рыбной промышленностью на Волге.

III. Правобережный Саратов за первые сто лет своего существования.

Перенесение города на правый берег Волги. Пожары. Пугачев в Саратове

Задолго до того времени, как Саратов был перенесен на правый берег Волги на этом месте уже существовал довольно значительный поселок, население которого образовалось из переселенцев с верховьев Волги. Это население, явившееся сюда, быть может, и помимо желания правительства, очень скоро было привлечено им к работе на государство. А именно, новые поселенцы должны были обслуживать казенные рыбные промыслы, существовавшие на Волге, доставлять на промысла рабочих и охрану, давать подводы для отвоза рыбы зимою в Москву и т. п. За эту службу поселенцы были освобождены от всяких других повинностей, имели право беспроцентно ловить рыбу и косить сено на прилегающих к поселку займищах. Кроме этого населения, в поселке имелись дворы некоторых московских монастырей, владевших рыбными ловлями по Волге. Таким образом, судя по всему, поселок был довольно значительным для того времени. Находился он на том месте, где теперь расположена Старособорная площадь.

При перенесении Саратова как раз это место и было избрано для устройства нового города, так как оно по своим условиям являлось очень удобным для постройки укрепления. С одной стороны—избранная под город площадь была защищена самой Волгой, с другой—крутым и глубоким оврагом, который теперь носит название „Глебова“. Следовательно, для ограждения нового города от неприятельского нападения оставалось только укрепить линию от оврага наискось к Волге. Таким образом, самой природой была указана конфигурация Саратова на новом месте и, действительно, до самого последнего времени существования у нас укреплений фигура города на плане представляла неправильный треугольник.

Жители поселка, о котором сказано выше, были переселены по другую сторону оврага. Здесь для защиты рыбного промысла был выстроен рыбный городок, имевший вид небольшой крепостцы, так как он был окружен деревянными стенами, с башнями на них, вооружен пушками и снабжен небольшим гарнизоном. Внутри городка находились служебные помещения администрации рыбного про-

мысла, амбары для склада рыбы и т. п., а кругом городка слободкѣй поселились приписанные к нему жители прежнего поселка. Через несколько лет на месте, занимаемом Преображенской церковью, возник мужской Четверосвятский монастырь, просуществовавший здесь до 1811 г. Новая слободка тогда же была прозвана „Горной“ и, таким образом, получила начало та часть Саратова, которую мы называем и теперь еще „Горами“.

Укрепления самого города Саратова, построенные, как видно из документов, специалистом инженером, полковником Шелем, состояли из земляного вала, по которому в нескольких местах были расположены деревянные башни; впереди вала были срублены из толстого леса так называемые надолбы, а в валу, для в'езда и выезда из города, проделано несколько ворот. Теперь покажется странной самая мысль о перенесении города целиком на новое место, но не надобно забывать, что Саратов XVII в. был сплошь деревянным, а поэтому все постройки, даже и церкви, можно было легко разобрать и перенести куда угодно.

Не богата внешними событиями и жизнь правобережного Саратова за первое столетие его существования. Наиболее выдающимися следует считать пожары, часто не только опустошавшие, но совершенно уничтожавшие город. Первым большим пожаром, о котором у нас имеются известия, был пожар 1696 г. Подробности этого большого пожара до нас не дошли; известно только, что во время его сгорела, между прочим, и существовавшая уже тогда Никольская церковь. Несколько больше мы знаем о пожаре 1712 г., случившемся в ночь на 8 мая. По словам одного документа — „город Саратов выгорел весь без остатку и церкви божии „сгорели и всяких чинов градские жители из домов своих „в одних платьишках, кто в чем ходил, остались,—а дома „наши и всякие пожитки сгорели без остатку; а иные градские жители погорели до смерти и в воде перетонули „многое число“ Последнее обстоятельство об'ясняется тем, что несчастные саратовцы, застигнутые врасплох ночью, искали спасения в волнах Волги, где и гибли. Число погибших доходило до 150 чел. Следующий большой пожар посетил Саратов в ночь на 8 июня 1738 г. Документальных данных о нем почти не сохранилось, но о силе огня можно судить по тому, что сгорели архивы учреждений, на спасение которых в те времена обращалось особенное внимание.

Не успел Саратов оправиться от этого бедствия, как в ночь с 6 на 7 августа 1754 г. вспыхнул пожар, от которого,

кроме множества обывательских дворов, сгорели и все присутственные места. А всего через три года, 3 июня 1757 г., Саратов вновь сгорает весь. Погорели не только казенные здания и дома частных лиц, но и шесть каменных церквей, в том числе оба монастыря—мужской и женский.

Не прошло и двадцати лет, как наш местный летописец Г. А. Скопин вносит в свой дневник под 13 мая 1774 г. следующую запись: „весь Саратов выгорел: и соборная верхняя „церковь, и Сергия Радонежского, и Николая чудотворца, и „щепетильный ряд, и хлеб весь погорел; только осталось на Горах да в Меляковке“ Опустошение было настолько велико, что, по словам Державина, Саратов имел только одно название города. Тысячи жителей, оставшихся без крова, ютились во временных шалашах, построенных на скорую руку.

Из других событий в жизни Саратова следует упомянуть о кубанском набеге и взятии города Пугачевым. Кубанские татары очень часто делали разбойничьи набеги на русские пределы, но никогда их дерзости не простирались так далеко, как в 1717 г. На этот раз они дошли до г. Саранска и по пути пытались овладеть и Саратовом. Нападение их на город было, однако, безуспешно и они ограничились лишь тем, что сожгли слободки, лежавшие за городским валом.

Взятие Саратова Пугачевым является самым драматическим эпизодом в истории нашего города.

Эпизод этот много раз, подробно, хотя и не всегда верно, описывался всеми местными историками и потому нет надобности особенно останавливаться на нем. Несомненно, что большинство саратовского населения сочувствовало самозванцу и с нетерпением ждало его прихода. Это относится не только к так называемому простонародью, но и к купечеству и духовенству. Переход на сторону Пугачева второго по чину лица после коменданта — майора Салманова с большей частью войск показывает, что и здесь симпатии были не на стороне законного правительства.

Пугачев подошел к Саратову 5 августа 1774 года по петровской дороге и остановился в трех верстах от города. Благодаря нераспорядительности коменданта Бошняка, занятого не столько заботой об укреплении города, сколько препирательствами с гражданским начальством, саратовская крепость находилась в самом жалком положении. Еще ночью на 6 августа начались перебежки в стан Пугачева отдельных жителей и солдат, а утром открыто перешла на

сторону самозванца большая часть пехоты под начальством Салманова и почти все казаки. У Бошняка остался только небольшой отряд, с которым он пробился до Улешей, откуда и сплыл в Царицын. Отряды Пугачева вошли в город и у нас в Саратове повторилось то, что и всегда бывает при занятии города недисциплинированными шайками. Те из дворян и чиновников, которые не успели спастись бегством, были убиты; в суматохе погибло не мало и рядовых жителей. Очень распространено убеждение, что Пугачев квартировал в городе, указывают и дом, где он жил. На самом деле он даже и не въезжал сам в город, а оставался в своем лагере в Улешах, близ теперешней Дегтярной площади, куда 7 августа отправилось к нему саратовское духовенство с крестным ходом, чтобы приветствовать его, как императора, имя которого вместе с государыней Устиньей Петровной оно поминало в церквах.

Пугачев с главными силами двинулся к Царицыну 9 августа, а последние его отряды покинули Саратов 11 августа. В тот же день в город вступили передовые отряды правительственных войск и вновь жителям пришлось испытать ужас убийств и казней.

IV. Саратов, как экономический, административный и культурный центр.

Волжские учреждения административного значения Саратова Устройство разных учреждений. Учебные заведения Печать Рост населения города.

После Пугачева Саратову уже не пришлось испытывать особых потрясений, если не считать опять таки пожаров, опустошавших его в 1800, 1801, 1811 и 1855 годах. Из них особенно силен был пожар 1811 г., продолжавшийся при сильном переменном ветре несколько часов и истребивший почти весь город не исключая и Гор. Но, конечно, не в подобных „событиях“ суть нашей саратовской истории, хотя они невольно бросаются в глаза и на них приходится останавливать внимание. Смысл ее в непрерывном экономическом росте города за указанный период. Уже со 2-й половины XVII в. Саратов постепенно начинает терять свое военное значение. В интересах не только общегосударственных, но и международных правительств не могло допустить, чтобы на таком важном торговом пути, каким являлась Волга, сложилось чтонибудь вроде Донской или Уральской казачьей общины. Поэтому, благодаря энергичным мероприятиям грозное и мно-

гочисленное когда-то волжское казачество к пол. XVII ст. совершенно сходит со сцены. С утверждением в приволжских степях калмыков остатки ногайской орды поглощаются ими и также перестают быть противником, с которым нужно серьезно считаться. Сами калмыки, вначале враждебные России, быстро оценивают выгоды добрососедских отношений с нею; торговля оказывается гораздо выгоднее и безопаснее грабительских набегов на русские укреплённые пункты, и в конце XVII ст. на месте теперешнего Покровска возникает крупная ярмарка, где калмыки и саратовские жители деятельно ведут обмен продуктов скотоводства на произведения промышленности. Наконец, долго беспокоившие наш край набеги кубанцев, с проведением в 1720-х г.г. укрепленной линии с Царицына на Дон, совершенно прекращаются. Освобождаясь от тягот военной службы саратовское население естественно обращает свои силы на мирную культурную работу и прежде всего на разработку рыбных богатств Волги. Эти же богатства, в связи с создавшейся безопасностью начинают все больше привлекать сюда население из других мест, что влечет за собой быстрый рост города.

Вместе с тем, уже с конца XVII в. Саратов перестает быть изолированным пунктом, оторванным от России и закинутым куда-то вглубь диких степей. Богатые московские монастыри, игравшие роль крупных капиталистов, быстро оценили выгоды волжской промышленности и от Сызрани до самого почти Саратова возникает по Волге цепь монастырских сел, население которых не только рыболовствуют, но и полагают начатки земледелия. С постройкой Пензы и Петровска, а затем и Царицынской линии создаются условия безопасного существования в наших степях и сюда хлынула волна земледельческого населения, быстро залившая северную часть края. Наконец, и сам Саратов, когда прекратилась опасность кубанских набегов, заводит в широких размерах сельское хозяйство на отведенных ему землях. Т. о., ниже-волжская область, до самого конца XVII в. жившая казенным хлебом, привозимым сверху, сама становится в ряд производительных районов, а Саратов, лежавший в центре этого района, делается естественным средоточием его.

Благоприятные условия создало Саратову и положение его по отношению к центру России. Из всех городов по средней и нижней Волге он, считая по сухому пути, оказывается ближайшим к Москве. Поэтому, уже с XVII в. все грузы, следовавшие гужем с Каспийского моря в Москву и обратно, шли через наш город и он сделался крупным тран-

зитным пунктом, значение которого сохранил и до настоящего времени. Это, в свою очередь, способствовало развитию здесь сначала торговли, а затем и местной добывающей и обрабатывающей промышленности.

Все это не могло не отразиться и на усилении значения Саратова, как административного центра. Уже в 1681 г. при распределении епархий было предположено учреждение в Саратове епископской кафедры. Следовательно, наш город тогда уже считали в числе заметных поволжских городов. В 1746 г. правительство решило начать в широких размерах разработку соли на Эльтонском озере. Для этой цели в 1747 г. в Саратове было устроено особое учреждение для заготовки соли и доставки ее по городам России. Учреждение это, называемое низовой соляной конторой, располагало большой властью и средствами и наличие его в Саратове не могло не поднять значение последнего. Для вывозки соли были вызваны охотники из Малороссии, которые и положили, между прочим, основание г. Покровску. Кроме того, за солью приезжали тысячи подвод, а для разработки ее стекались во множестве рабочие. Все это, конечно, не могло не отразиться самым благоприятным образом на благосостоянии города.

С 1764 г. пустовавшие до того времени обширные пространства земли по обоим берегам Волги начали заселяться главным образом иностранными колонистами, являвшимися по вызову правительства из Германии. Для заведывания колонистами было основано особое управление под названием опекунства иностранных, имевшее пребывание в Саратове, это еще более должно было возвысить его значение.

Наконец, административная карьера Саратова XVIII в. была завершена открытием в нем в начале 1781 г. губернских учреждений. Саратов сделался резиденцией губернатора и высших присутственных мест, став, таким образом, независимым от Астрахани, которой он был подчинен с 1718 г.

Оставалось только обзавестись собственным епископом, что и было решено еще около 1800 г., но фактически осуществилось только в 1828 г., когда в Саратов прибыл на постоянное жительство первый епископ Моисей.

В 1850-х гг. у нас учреждается и римско-католическая епархия, а эпоха реформ при Александре II обогащает город целым рядом земских и судебных установлений вплоть до судебной палаты.

Но только теперь за Саратовом официально было признано то значение, которое он упорно и непрестанно завое-

вывал в течение двух с половиной веков и наш город сделался столицей той области, экономическим центром которой он стал уже давно.

С ростом административного значения города росла и его культурная роль. До конца XVIII в. дело народного образования у нас в Саратове было представлено частной предприимчивости. Тот, кто хотел научиться грамоте, искал себе учителя и с помощью его усваивал необходимые знания. Только в 1786 г. было открыто т. н. главное народное училище, переименованное впоследствии в гимназию. Но эта школа не могла вместить всех желающих и для детей духовенства в 1790 г. открывается при мужском монастыре духовное училище. В начале прошлого столетия открывается 1-я народная школа, т. н. теперь Казанское училище, в 1822 г.—уездное училище; в 1830—Ильинское, в 1831—Сретенское и т. д. Постепенно число школ возрастает с ростом населения и благосостояния города, открываются женские и специальные учебные заведения, пока все не завершается учреждением университета и других высших учебных заведений.

С развитием образования увеличивалась и потребность в книге. Еще в начале XVIII в. книги рассылались из Синода и принудительным путем распространялись по церквям. После, когда явился добровольный покупатель на книги, их привозили на ярмарки вместе со всяким другим товаром. Только в 30-х годах прошлого века Вакуровым была открыта постоянная книжная лавка. Вслед затем книжную торговлю завел и некий Костяков (в 1845 г.).

В 1794 г. открывается при губернском правлении первая в Саратове типография в начале имевшая целью исключительно облегчение труда канцеляристов, т. к. в ней печатались одни только бланки, копии указов и т. п. Но в 1838 г. стала выходить первая наша газета—Саратовские Губернские Ведомости—и с тех пор эта типография начала до некоторой степени обслуживать и нужды просвещения, т. к. при губернских ведомостях существовал неофициальный отдел, имевший интерес и для более широкой публики, а не только для чиновников.

Первая частная типография открылась в 1845 г., а с 1863 г. стала выходить и первая частная газета.

Здесь, быть может уместно привести и некоторые данные, показывающие возростание населения в городе. В начале существования Саратова, еще на левом берегу, он имел, как мы видели выше, постоянный гарнизон из 500

человек приблизительно. Так как большая часть гарнизона состояла из стрельцов, людей семейных, то приведенную цифру придется увеличить по крайней мере вдвое. Кроме того, уже в 1630-х годах в Саратове жило до 80 семейств, занимавшихся промыслами и торговлей. Нужно присчитать население монастырей, семьи духовенства, приказных людей и т. п., так что не будет большой ошибки если определить число жителей того времени в 1500 чел. По первой переписи (1720 г.) в Саратове считалось уже 1596 душ мужского пола. Но в ревизию не вошли лица „привилегированных“ сословий, а потому все население города не могло быть ниже 3500 чел. В 1774 г.—население исчислялось уж в 7000 чел., в 1815 г.—в 15000, а в 1881 более чем в 100000. Особенно быстро стал расти Саратов после проведения железной дороги в 1871., связавшей его с Москвой.

V. Саратовская старина.

Старинные церкви и монастыри. Заметки по топографии города Саратова в изображении современника.

Благодаря многочисленным пожарам, опустошившим Саратов, в нем осталось очень мало таких зданий, которым насчитывалось бы больше ста лет. Это, главным образом, монастыри и церкви. Самой старой церковью из приходских следует признать Никольскую, она упоминается еще во время существования левого бережного Саратова. О судьбах ее будет сказано ниже, теперь же дадим краткое изложение истории саратовских монастырей.

Древнейшим монастырем является мужской Богородицкий монастырь, первое указание на который находим в документах под 1623 г.

В течение всего XVII в. документы упоминают о пожаловании этому монастырю рыбных ловель и других угодий. Игумен его в 1670 г. встречал с крестом Разина. Мало по малу монастырь пришел в упадок, причины которого не совсем ясны, и в 1690—91 гг. был приписан к московскому Высокопетровскому монастырю. Дело дошло до того, что в 1703 г. в нем осталось только игумен и два монаха. Поэтому в 1704 г. монастырь был упразднен, а имевшаяся в нем церковь обращена в приходскую. Это и есть теперешняя Казанская церковь близ т. н. старого Собора. О дальнейшей судьбе ее будет сказано ниже. С уничтожением Богородицкого монастыря Саратов не остался без мужской обители.

т. к. в это время существовал в городе и второй мужской монастырь—Четверосвятский, основанный на Горах еще до 1682 года. Большое участие в его устройении принимал богатый волжский промышленник Павел Дубенский, который затем, под именем Паисия, был игуменом в этой обители, находившейся на месте нынешней Преображенской церкви. Монастырь сначала назывался Четверосвятским, потому что бывший в нем деревянный храм был освящен во имя четырех московских святителей. Храм этот служил не только для нужд монастыря, но был и приходским для жителей Горной слободы, почему при нем кроме монахов был штат и белого духовенства. Первоначальный храм был очень мал, почему в 1717 г. был разобран и перенесен на то место, где ныне т. н. старый Михаил Архангел, в монастыре же построили новую церковь с главным приделом во имя Преображения. Мало по малу, по названию храма и монастырь стал именоваться Преображенским. В 1733 г. было приступлено к сооружению каменного храма, который после всяких испытанных им невзгод и переделок стоит и до нашего времени. При Преображенском монастыре существовали, кроме обычных монастырских построек, палаты для приезда архиереев, духовное училище и духовное правление. Все это погибло в страшный пожар 1811 г. Самый храм обгорел так, что богослужение в нем было прекращено а монастырь перенесен за город на теперешнее место. В 1822 г. купец Образцов на свой счет отремонтировал обгоревшую церковь и она была обращена в приходскую.

Когда был основан у нас женский монастырь—сказать по отсутствию данных нельзя. Но несомненно, что он существовал в 1-й пол. XVII ст. на луговой стороне, монастырь стоял за городом окруженный слободкой, которая по имени монастыря носила наименование Воздвиженской. С перенесением города на правый берег монастырь вошел в черту города. Его церковь, во имя Воздвижения, деревянная, как и все саратовские церкви, сгорела в 1712 г. Вновь выстроенная она опять горит в 1738 г., но за то, при помощи некоего Суровцева, на месте сгоревшего храма в 1740 г. воздвигается новый каменный, существующий и теперь. Мало по малу монастырь приходил в упадок и в конце XVIII в. был упразднен совсем, но в 1830-х гг. возобновлен опять.

Гордость старого Саратова т. н. старый Собор был сначала также деревянным. Хлопоты по постройке каменного храма начались еще в 1684 г., но дело затянулось и каменный собор был окончен в 1694 году. Он также страдал от

пожаров, но меньше других церквей подвергался переделкам и больше сохранил свой первоначальный вид. О соборе есть специальное сочинение, к которому и отсылаем интересующихся этим любопытным памятником саратовской старины.

Остается сказать еще несколько слов о других старинных наших храмах. Выше мы сказали, что Казанская церковь стала приходской после упразднения существовавшего при ней монастыря. Будучи деревянной она несколько раз сгорала и возобновялась пока не был выстроен около 1755 г. существующий и теперь каменный храм. Но и тот настолько сильно пострадал в пожар 1811 г., что пришлось заново перестроить колокольню, которая т. о., гораздо новее самой церкви.

Никольская церковь носила, кроме того, название Смоленский или Одигитриевской. Также, как и остальные саратовские церкви она не раз сгорала до тла, но в 1722-х был воздвигнут существующий каменный храм. Вид храма очень изменился с тех пор, т. к. после 1811 г. колокольня перестроена с основания и самый храм расширен боковыми приделами. Из других церквей которым теперь более 200 лет следует упомянуть о т. н. Покровской на Волге (Введенской) и старой Михайлоархангельской. Первая существовала до пожара 1712 г., а вторая получила основание в 1717 г., когда на это место была перенесена деревянная церковь из мужского монастыря. Настоящий вид обе они получили в половине XVIII в. после пожаров. Остальные саратовские церкви гораздо моложе и уже не могут быть относимы к памятникам старины.

Из старинных частных зданий наиболее замечательным является здание т. н. старой семинарии. Оно построено в самом начале прошлого века и принадлежало богатому винному откупщику Устинову. Поэтому на дворе имеются подвалы и выхода, предназначавшиеся для склада водки и спирта. Эти выхода и теперь служат источником легенд о подземных ходах и т. п.

Много раз уже приходилось упоминать здесь о пожарах, часто истреблявших Саратов. После пожаров сплошь и рядом жители не могли даже найти места своих дворов и город каждый раз перестраивался по новому; там, где были дворы — проходили улицы, на место прежних площадей воздвигались постройки и т. д. Так что план Саратова изменялся несколько раз, пока в 1812 году не был утвержден наконец тот, по которому он расположен и в настоящее время.

Поэтому, особенно при отсутствии документов, нам очень мало известно о расположении и названиях прежних саратовских улиц и урочищ. Даже границы собственно „города“, то есть окруженного валом пространства, могут быть указаны только приблизительно. Самый вал в последнее время его существования начинался у Глебова оврага в районе Вознесенской улицы и шел наискось по Михайло-архангельской площади до угла Московской улицы, отсюда он поворачивал по Полицейской к Волге, где и упирался в овраг, бывший недалеко от Сергиевской церкви. На очерченном пространстве и был расположен собственно город с церквями и присутственными местами. Из бывших здесь улиц быть может только одна Московская сохранила свое древнее направление и название: она вела от Волги к Московским воротам. У этих ворот, на месте нынешней Киновии была деревянная часовня. Другие городские ворота находились близ почты на Б. Сергиевской улице. Они назывались Царицынскими, так как через них пролегла дорога на Царицын; Царицынской же называлась и сама Б. Сергиевская улица. Покровская улица, по стоящему на ней монастырю, именовалась Воздвиженской, а Часовенная—Казанской, так как проходила мимо одноименной церкви. В центре города, где теперь сквер у Старого собора, стоял гостинный двор и торговые ряды. В начале XIX века гостинный двор занимал место управления железной дороги и от него еще сохранилась небольшая часть. Крайняя к Волге улица, бывшая средоточием питейных домов и других притонов, где летом с утра по ночи кишели толпы всякой кабацкой голи, в насмешку получила название Миллионной. Соляная улица названа так потому, что сплошь была застроена складами для соли; по этой же причине получила свое название и Соляная площадь на Горах, Валовая улица, вероятно, названа так по соседству своему с городским валом, а узенький переулок, ведущий с этой улицы на Часовенную, получил свое имя от того, что на нем стоял дом городского головы Песковского. Из забытых теперь урочищ, следует отметить так называемые „Пеньки“, как называлась местность около церкви Михаила Архангела. По преданию здесь был лес, после которого долгие торчали пеньки. С самого начала городское население уже не помещалось на пространстве собственно города. Одновременно с ним, например, возникает поселок на Горах, по склону так называемой Соколовой горы. Народное предание старалось осмыслить это название и сложилась легенда,

что гора получила имя от дремучего леса, бывшего на ней, в котором водились соколы, посылавшиеся будто бы к царскому двору. Действительность разбивает эту легенду: по заключению специалистов-почвоведов на горе, никогда не было леса, тем более дремучего, а значит не было и соколов. Нужно думать, что название произошло от фамилии первого поселенца, какого нибудь Соколова.

Еще в XVIII веке за город были выселены кузницы, как опасные в пожарном отношении. Ряд их положил основание Кузнечной улице, а выселенные одновременно с своими бойнями мясники дали имя улице Мясницкой. За городом же были канатные и веревочные заведения, около которых скоплялись груды костриги. Отсюда наименование Кострижной улицы. Когда в Саратов прибыли немецкие колонисты, то их поселили особой слободой, причем на каждую семью был отведен просторный двор (15 саж. по улице и 40 саж. в длину). Эта слобода и есть нынешняя Немецкая улица. Армянская, которая в сущности служит ее продолжением, называлась Почтовой, так как вела к почте, а Полицейская получила имя от того, что упиралась в дом полиции, где потом было так называемое Сретенское училище. Кроме немцев, обособлялись в отдельные слободки и поселенцы других национальностей, так были сгруппированы вместе цыгане, татары, давшие название улицам—Цыганской и Татарской. Находящаяся в том же районе Гоголевская улица называлась прежде Старо-Острожной, так как на ней до половины XIX века стояло мрачное здание старого острога, окруженного высоким частоколом из толстых, заостренных сверху бревен. Близкая к Старо-Острожной Часовенная улица получила имя от бывшего на ней старообрядческого молитвенного дома, в просторечии называвшегося часовней. На месте Б. Казачьей улицы в старину была казачья слобода, а Кирпичная улица, получила название от кирпичных сараев, которые в XVIII веке и начале XIX были по склону Глебова оврага, там, где после были колокольные заводы. Еще и сейчас хорошо заметны следы ям, из которых добывалась глина для кирпичей, и места, где они обжигались.

О внешнем виде Саратова в разные эпохи, о том, какое впечатление производил он на путешественников, осталось очень мало свидетельств. То, что относится к левобережному городу, приведено в главе II; здесь же дается сводка тому, что известно про Саратов правобережный.

15-го мая 1703 года посетил наш город голландский художник де-Бруин. „Я отправился,—рассказывает он,—смотреть город, лежащий на северо-восток от Волги, под горой и по ее покатости; предместье же его раскинуто вдоль берега реки на полчаса ходьбы. Я нашел город на возвышенном месте, без стен, но с деревянными башнями. В нем одни ворота, находящиеся в четверти часа от Волги, налево есть еще и другие ворота, но отдельно от города, и потом еще третьи—со стороны Москвы по сухо-му пути, с частоколом между последними двумя воротами. Когдаходишь к городу с той стороны, которая лежит направо от реки, то увидишь пропасть в которой растет капуста и другая зелень *). За последними воротами взорам представляется открытая страна, а по ней пролегает убитая дорога, которой астраханские, русские и другие купцы, едущие сухим путем, отправляются в Москву. В городе несколько деревянных церквей и эти церкви составляют самые достопримечательные здания в нем. Восемь лет тому назад город этот был обращен в пепел пожаром, но после того он совершенно перестроен вновь. С реки города вовсе не видать кроме башен и церковных верхов. Предместье лежит между двумя церквами“.

На обратном пути из Персии де Бруин вновь посетил Саратов и здесь наблюдал торговлю Саратовских жителей с калмыками. Торговля производилась на левом берегу, где теперь гор. Покровск. Наши предки сбывали калмыкам хлеб, пшено, холст, сундучки и т. п. вещи, а взамен получали лошадей, рогатый скот, масло и другие припасы. К описанию де Бруина мало дает сообщение одного шведского офицера, который зимовал у нас с китайским посольством в 1713 году. Любопытно только указание на число жителей; по исчислению путешественника, кроме гарнизона, в Саратове жило 500 семей. В 1769 году в Саратове были сразу два академика—Лепехин и Фальк, которые оба в своих сочинениях описывают и город. В общем оба описанья сходятся и здесь достаточно привести лишь то, что говорит Лепехин. По его словам: „самое города построение весьма изрядно, хотя в нем нет каменного строения, кроме семи церквей и двух монастырей—мужского и женского; однако, прямые улицы и хорошие ряды делают сей город приятным, так, что его можно почесть за один из лучших волжских городов. В нем находятся соляная и рыбные при-

*) Глебов овраг

стани, кожевенные заводы, шляпная и шелковая фабрики. Для последней расстоянием верстах в пяти от города заведен обширный сад с тузовыми деревьями, которые бьющими ключами орошаются. Около города на берегу Волги целый флот судов с пушками для безопасности от раз'езжающих удальцов по Волге. Соляная и рыбная пристань привлекают много народу“. В 1815 году для ревизии учебных заведений был командирован казанский профессор Эрдман, который побывал и в Саратове. По мнению этого автора, Саратов хоть и губернский город, но некрасив и построен неправильно и, несмотря на сильную населенность, имеет гораздо более пустынный вид, чем Симбирск. Впрочем, вид города во многом бы выиграл, если бы не частые пожары. В 1811 году в течении шести часов сгорело более 1,700 домов. Однако, между каменными зданиями, число коих, не считая церквей, едва ли простирается до сотни, есть несколько правильных и изящно построенных. Образ жизни здешних обывателей не так роскошен, как во многих губернских городах, потому что здесь мало дворянства; но чиновники ведут довольно общественный образ жизни.

Не так отзывался о нашем городе некий Гераков, путешествовавший по России в 1820 году. По его словам—Саратов чистый город и много церквей. Вообще же Саратов очень долго сохранял внешность глухого провинциального города. Немощные улицы *) в дождливое время обращались в опасные болота, в которых тонули лошади, а в сухое—покрывались толстым слоем пыли, которая поднималась при малейшем ветре и густым облаком окутывала город. Только с проведением железной дороги он начал облагораживаться и лишь в последние два десятка лет стал обстраиваться по современному. Но и теперь еще Саратову, что касается внешности, далеко до многих, даже менее обширных, городов России.

---

*) Первые мостовые стали устраиваться только в 1812 году

VI. Саратовские деятели.

Как мы видели выше, от саратовской старины до нас дошло очень мало вещественных памятников: несколько более или менее древних церквей, два—три старинных дома — вот и все. Получается впечатление, что прошлое оставило нам скудное и не заслуживающее серьезного внимания наследство. Однако, на самом деле это не совсем так. Духовное наследие наших предков неизмеримо богаче и ценнее нескольких старых зданий. С Саратовом так или иначе, но всегда тесно, связан длинный ряд деятелей, оставивших заметный след в жизни не только самого Саратова или его области, но и всей России. Есть ряд работ, посвященных памяти подобных деятелей, лучшей и наиболее полной из которых является труд С. Д. Соколова „Саратовцы писатели и ученые“, к сожалению до сих пор не опубликованный полностью. Полный перечень таких „саратовцев“, понимая под этим словом не только наших земляков по рождению, прославившихся на поприще науки, литературы, искусства или общественной деятельности, но и уроженцев других мест России, связанных последующей работой с Саратовом, должен включить сотни имен. Перечислять их здесь нет возможности да и надобности. Кому из мало мальски культурных людей не знакомо имя одного из славейших саратовских уроженцев Н. Г. Чернышевского или неразрывно связавшего свое имя с нашим краем А. Н. Радищева. Мне хотелось бы, заранее считаясь с упреком в неполноте и бессистемности перечня, возобновить в памяти саратовцев кое какие имена, теперь уже полузабытые, но которыми могут гордиться всякий город и страна. Во главе нашего списка по справедливости должен быть поставлен Андрей Филиппович *Леопольдов* (1800—1875), выступивший на арену общественной деятельности в то глухое время „когда, по выражению Н. Ф. Хаванского, умственная жизнь Саратова была в зачатке, местной литературы не существовало, местных, сочинителей писателей еще не было и когда чуть не единственным предметом умственного интереса для всего общества служили . . . проповеди архиреев. А. Ф. Леопольдов был в Саратове первым, получившим от старого и малого эпитет писателя, сочинителя. Он был первым, кто создал себе у нас популярность не служебную или торговую, а литературную деятельностью. Это был первый наш историк, статистик, археолог и бытописатель“. Сын бедного пономаря с. Ртищева А. Ф., пройдя скорбный путь старой

духовной школы, в поисках за светом знания делает тщетные попытки устроиться в петербургских высших учебных заведениях, затем репетирует детей сердобских и саратовских помещиков, опять перебирается в Москву и, наконец, после невероятных трудов и лишений в 1830 г. кончает курс Московского у-та. По пустячному поводу он попадает в число неблагонадежных и, по необходимости (для создания легального положения), в 1831 г. поступает на службу в саратовскую полицию, а затем переводится в казенную палату. Однако, мертвящая обстановка дореформенной казенной службы не убивает в нем живого духа и он ищет отдыха от нее в занятиях историей и статистикой края. Работал А. Ф. до последних дней своей долгой жизни и его перу принадлежит до 250 печатных произведений по всем вопросам краеведения.

Саратовцем по рождению был и славившейся в свое время професор Московского университета Степан Петрович *Шевырев* (1806—1864), родившийся в Саратове.

Знаменитый переводчик творений Диккенса и Теккерея Ириарх Иванович *Введенский* (1813—1855), уроженец нашего края, получил свое образование в саратовской семинарии, где еще на школьной скамье удивлял своих товарищей необычным для захолустного семинариста знанием иностранных языков. Как известно, от усиленных занятий он ослеп 41 года от роду и кое как дотянул свою трудовую жизнь.

Не менее известный переводчик „Фауста“ и поэт Эдуард Иванович *Губер* (1814—1847), сын пастора из Усть-Залихи, также получил среднее образование в Саратове и с полным правом может считаться саратовцем.

Любопытна личность поэта-самоучки Ивана Григорьевича *Воронина* (1840—1883). Отец его, крестьянин Рязанской губернии, разоренный неурожаем, переселился в Саратов и здесь работал на поденщине, мать торговала квасом. Какой то кантонист выучил мальчика читать псалтырь, чем и закончилось его образование. С 11 лет началась трудовая жизнь, сначала в качестве ученика в калачном курене, а затем приказчика-калачника на Пешем базаре, служащего на пароходах и т. д. Ему принадлежит ряд талантливых очерков, рисующих быт Волги и волгарей.

Ровесником Воронина был и Михаил Алексеевич *Воронов* (1840—1873), сын саратовского брендмейстера. Вся жизнь его прошла в непрестанной работе при самой тяжелой обстановке, которая и свела его в раннюю могилу. Из произведений Воронова для нас особенно любопытен его ро-

ман „Болото“, рисующий картины саратовской жизни 1840—1850 гг.

Саратовцем по рождению и воспитанию является известный Павел Николаевич *Яблочков* (род. в 1847 г.), первый, применивший на практике и притом в широких размерах идею приложения электричества для освещения.

Забыт теперь почти совершенно Иван Петрович *Ларионов* (1830—1889), пермяк по рождению, но живший, работавший и умерший в Саратове; талантливый и плодовитый композитор, музыкальный и театральный критик. Его главная работа—огромный сборник народных песен с записью мелодий—до сих пор остается в рукописи.

Знаменитый историк литературы академик Александр Николаевич *Пытин* (род. в 1833 г.), сын чиновника, родился и вырос в Саратове на одном дворе с Н. Г. Чернышевским, которому приходился родственником. Мы только упоминаем о нем здесь, так как невозможно в 2—3 строках охарактеризовать научное и общественное значение Пыпина.

Воспитанником саратовской гимназии был и Григорий Антонович *Захарин* (1829—1897), наиболее знаменитый из практических врачей своего времени, профессор московского университета, завещавший значительный капитал на дело народного образования нашего края.

Из саратовской же семинарии вышел и Григорий Евлампиевич *Благосветов* (1824—1880), друг А. И. Герцена и учитель его детей, редактор и издатель лучших журналов своего времени: „Русского Слова“ и „Дела“.

В той же семинарии получил свое образование Саратовский уроженец *И. Игорев*, не безизвестный академик живописи.

Близко связали свои имена с Саратовом Даниил Лукич *Мордовцев* (1830—1904) и Николай Иванович *Костоморов* (1817—1885). Первый из них учился в Саратове, женился здесь, долго жил и работал, гл. образом по истории и статистике края. Второй—за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве был сослан в Саратов и прожил здесь около 10 лет. В Саратове им написан ряд ученых работ по истории края. И Мордовцев и Костоморов много способствовали пробуждению в саратовском обществе интереса к общественным вопросам.

Можно было-бы во много раз увеличить наш славный перечень, включив в него десятки имен и ныне здравствующих деятелей и тех энтузиатов, вроде Каракозова, Балмашева и др., которые отдали свою жизнь за счастье народа

в той форме, как они его понимали. Но и приведенных немногих примеров достаточно для утверждения, что нет той области духовной или общественной жизни, в которой Саратов не имел-бы своих достойных представителей. Вместе с тем, нет ни одного класса, который не участвовал-бы в вербовке таких представителей. На немногих приведенных примерах мы видим, как живуч в саратовцах дух борьбы за лучшее будущее не только лично для себя, но и для своих сограждан. Этот дух борьбы создан и воспитан теми суровыми условиями, в каких пришлось жить и действовать саратовцам в течение ряда веков. Вместе с тем вековое сожитие на ограниченной территории и необходимость совместной работы представителей самых разнообразных национальностей, вероисповеданий и убеждений, создали в саратовцах тот дух терпимости, которым они так выгодно отличаются от обитателей многих коренных русских местностей, и то отрицательное отношение к национальным, религиозным и классовым перегородкам, которое издавна стяжало Саратову эпитет города добрых демократов.

Саратов теперь столица обширной области. Будем надеяться, что обитатели его окажутся достойными потомками, тех, благодаря кому он достиг такого отличия, и своей энергией будут способствовать дальнейшему процветанию родного города и края.

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

Склад } Саратов, ул. Республики, № 7—9, книжный
изданий: } магазин „Новь“.
Москва, книжный магазин Центросоюза.
Кузнецкий мост, уг. Петровки.

СЕРИЯ ИЗДАНИЙ В. З. ЯКСАНОВА ПО КРАЕВЕДЕНИЮ.

1) А А ГЕРАНЛИТОВ.—История Саратовского края в XVI—XVIII в.в.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ГЛАВА I. Роль Саратовского университета в изучении нашего края. Значение местных историй в уяснении общерусского исторического процесса. Необходимость изучения местной истории, в частности Саратовского края для уяснения вопросов общерусского исторического процесса. Самодавлюющее значение нашей местной истории. Единство мирового исторического процесса и связь с ним истории Саратовского края. Положение нижнего Поволжья на пути из Европы в Азию и значение этого факта.

ГЛАВА II. Три этапа в деле изучения прошлого нашего края: 1-й период—А. Ф. Леопольдов, еп. Иаков, Н. И. Костомаров и Губернские Ведомости, Д. Л. Мордовцев, влияние их на общество; статистический комитет. А. И. Шахматов, А. Н. Минх; попытка основания в Саратове исторического общества, 2-й период—ученая архивная комиссия, характер ее деятельности; изменение физиономии комиссии и методов работы ее членов, 3-й период—университет. Источники для изучения истории края. Богатство его археологическими памятниками; виды их. Собрание и собрание таких памятников. Архивные материалы. Материалы эти дают меньше, чем можно было бы ожидать: молодость местных архивов, гибель архива Приказа Казанского Дворца, неразработанность столичных центральных архивов за XVIII—XIX в.в. Местные летописи, записки и т. п. Обзор краевых архивных хранилищ.

ГЛАВА III. Определение понятия „Саратовский край“. Неприемлемость ходячих терминов для замены этого выражения; условность и недостаточность отдельных признаков для определения территории края. Рост Саратова в экономическом и административном отношениях, делающих его центром края. Определение территории края; заволжская часть и правобережье; роль рек и их бассейнов в истории заселения края. Наш край к моменту освоения его русским государством, скудость источников. Свидетельства очевидцев и источников о большем богатстве края в старину. Вопрос о возможности существования в крае русского населения до XVI века.

ГЛАВА IV. Государственные организмы, возникшие в Поволжье после распада Золотой Орды. Казань и Астрахань, их население и устройство. Три фазы в борьбе Москвы с Казанью. Оценка значеня завоевания Казани со стороны русских историков.

ГЛАВА V. Торговое значение Волги в IX—XII в.в. Монгольское завоевание открывает дорогу через наш край из Европы на Восток. Пути в Китай, Персию и Индию; засорение этих путей. Живучесть мысли о возможности вновь открыть их. Неудачи попыток открыть северо-западный проход. Герберштейн и влияние его книги на организацию английской экспедиции по открытию пути в Китай в северо-восточном направлении. Ченслер и Английская компания. Выгоды торговли с Персией; сношения с Индией. Волга—важный международный торговый путь. Промышленное значение Волги: рыба и соль.

ГЛАВА VI. Положение на средней и нижней Волге в конце XVI в. как обстоятельство, мешающее использованию края в торговом, промышленном и колонизационном отношениях. Ногаи и борьба Москвы с ними. Казаки на Волге; вопрос о происхождении волжского казачества. Многочисленность воровских казаков; связь с Доном.

ГЛАВА VII. Мероприятия правительства в целях обезопасить юго-восточные укрaines от кочевников и обеспечить правильность сношений по Волге. Сторожи; несостоятельность господствующих мнений о времени возникновения постоянной сторожевой службы. Сторожевые линии в нашем крае. Караманская станица; разбор мнений Шахматова и Чекалина. Изменение линий раз'ездов по Волге. Постройка по южной уkraine городов в конце XVI в. Возникновение Самары.

ГЛАВА VIII. Основание Царицына и Саратова. Мнение Карамзина о времени постройки Царицына. Лутаревская летопись, характер ее. Год постройки Царицына; название этого города, место первоначальной постройки; цель постройки города на Переволоке. Обширность литературы о времени и месте построения Саратова. Перетяткович, Красnodубровский, Чекалин, его мнение о приемственности Саратова и Сарытау и об одновременном существовании двух Саратовов. Запись на Евангелии 1578—9 г. Первоначальное местоположение Саратова.

ГЛАВА IX. Интерес местных исследователей к происхождению слова „Саратов“, общепринятое производство его. Мнение Шахматова и Гоговицкого. Вопрос о Саратове, как о преемнике татарского Сары-Тау. Гипотеза Чекалина и разбор его положений: пути Рубрука, Карты Пицигани и Фра-Мауро, летопись Шереф-ед-дина Бунгари, память 1614 г. Олеарий и Стрюйс; Витзен.

ГЛАВА X. Саратов и Царицын в XVI в. Смутное время в низовом Поволжье. Гибель Саратова и Царицына.

ГЛАВА XI. Саратовский край после смуты; восстановление городов. Царицын и свидетельство о нем Котова; рисунок Олеария и те заключения, которые можно из него сделать. Возобновление Саратова и причины перенесения его на луговую сторону. Возникновение Камышина и связь этого факта с постройкой Царицына, служивая роль Саратова и Царицына: охрана Волги от воровских казаков.

Появление калмыков на Волге. Борьба с ногайцами, добывание вестей. Военное население наших городов. Рыбная промышленность на Волге. Казенные рыбные ловли. Монастырские промыслы.

ГЛАВА XII. Появление неслужилого населения в наших городах. Окладная роспись по пятины по Саратову и даваемые ею сведения. Рост Саратовского посада в последующее время. Поселение при дворцовом рыбном городке. Население Саратова и Царицына: стрельцы, дети боярские, приказные люди. Церкви и монастыри наших городов в XVII в. Исторические сведения о Богородицком монастыре в Саратове. Свидетельства путешественников XVII в., посетивших наш край.

ГЛАВА XIII. Исчезновение местного волжского казачества. Рост разбойничества на Волге. Разин в нашем крае. Участие Саратова и Царицына в разиновском движении.

ГЛАВА XIV. Наш край в конце XVII в. Перенесение Саратова на правый берег и причины этого факта. Рост города на новом месте. Монастырские поселения на Волге. Постройка Дмитриевска. Пустыньность внутренней части края и попытка заселения его с юго-запада. Сторожевые черты: Тетюшская, Козлов—Ломов и Симбирская. Заселение Симбирского уезда по черту и начало испомещения за чертой.

ГЛАВА XV. Постройка Пензы и черты на Сызрань. Направление Сызранской черты и вопрос о городах в Кузнецком у. Первые поместья в нашем крае. Состав первоначников. Иностранческие поселения. Заселение бассейна Терешки. Появление крупных помещиков. Петровск и значение его постройки в ходе заселения края. Петровский уезд. Население края до 1-й переписи. Рост его и происхождение.

ГЛАВА XVI. Набеги кочевников, нападение кубанцев 1717 г. Постройка черты от Волги к Дону. Попытки частной инициативы в заселении местности по черте. Образование Волжского войска. Беглые в нашем крае и их роль в его колонизации.

ГЛАВА XVII. Рост населения после устройства Царицынских черт до 2-й ревизии. Происхождение пришлого населения. Рост помещичьего землевладения. Положение крестьян. Данные о посадском населении.

ГЛАВА XVIII. Заселение заволжской части края. Разработка эльтонской соли и последние малороссов. Вызов старообрядцев. Иностранцы колонисты в Саратовском крае. Всего в книге около 400 стр. Цена 3 руб.

2) А. А. ГЕРАКЛИТОВ. Саратов. Краткий исторический очерк.
Цена 30 коп.

Оглавление. Предисловие ко 2-му изданию. Введение. I. Основание Саратова. II. Саратов на левом берегу Волги. III. Правобережный Саратов за первые 100 лет своего существования. IV. Саратов, как экономический, административный и культурный центр. V. Саратовская старина. VI. Саратовские деятели.

